

И.Ю. ЛАРИОНОВ

*кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет*

ПЫТКА ГРАНИЦАМИ

Данный текст посвящен исследованию онтологического статуса границ. Основные выводы исследования применяются к таким социокультурным явлениям, как двойничество, историчность бытия человека, самопознание. Анализ распространяется на актуальные проблемы современного общества: контакт и столкновение культур, политические конфликты и протест, роль СМИ и рекламы в повседневности, формирование нравственных концептов.

Ключевые слова: границы, конфликты, историчность, самопознание, конфликт культур, политический конфликт.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №16-03-00388а.

I.YU. LARIONOV

*PhD of Philosophy, Associate Professor
Saint-Petersburg state University*

TORTURED BY BORDERS

The intention of this text is the study of the ontological status of borders. The main conclusions of this study are applied to sociocultural phenomena of duality, historicity of human being and self-knowledge. The analysis is extended to include the essential problems of contemporary society such as interaction and clash of cultures, the political conflicts and protest, the role of media and advertising in everyday life as well as the formation of moral concepts.

Keywords: borders, conflicts, historicity, self-knowledge, conflict of cultures, political conflict.

The study was performed with the financial support of RFH №16-03-00388а.

Начну, используя традиционную схему научного доклада или статьи. Начну банально и, возможно, банальность будет основополагающим методом в данном моем рассуждении. Речь ведь пойдет о вещах вокруг нас, а что может быть банальнее? Многие боятся банального как смерти, но ведь есть вещи страшнее и банальности, и смерти (о них я попытаюсь поговорить в конце).

Итак, разработанность темы. Тема границы в философии относится к числу разработанных неплохо. После значительного вклада Платона, Канта, Гегеля, Бахтина (из тех, кого можно упомянуть «навскидку») она выглядит исчерпанной, и все же сохраняет удивительную актуальность. Не

поленившись и дотошно подойдя к делу, только среди отечественных авторов и только последних лет я нашел такие серьезные работы, как исследования Т.В. Куликовой, А.Е. Зимбули, Д.М. Федяева и Л.И. Чинаковой, О.В. Боровковой. Собственно, неплохой обзор оснований обращения к данной теме Борис Георгиевич уже дал, и повторяться не буду [1; С. 169-187]. Из, скорее, серьезной публицистики хотелось бы также упомянуть интересное философское эссе В.М. Антончика «Философия границ», касающееся среди прочего актуальных политических тем, с рядом остроумных примеров.

В истории мысли с категорией границы связаны темы минимума и максимума, души и тела (выступающие в сложном взаимодействии по принципу «смешать, но не взбалтывать»), предельности существования и пограничных ситуаций, проблема трансгрессии. Очень распространена трактовка, которую можно назвать оптимистической: стремление к преодолению границ важно для познания, оно приводит к качественному скачку как переходу к подлинности. И тут же несколько гламурная (хотя тоже банальная) тема: мышление как преступление. Далее, общеизвестна диалектика границы. С одной стороны, что не отделено от иного, не имеет себя (Гегель). Одна из важнейших границ в философии - отделяющая одно качество от другого. С другой стороны - граница и разделяет, и соединяет (например, система коммуникации устанавливает границы, а не устраняет их). Да и сами границы могут выступить основанием для чего-либо: например, культуры. Общеизвестно замечание М.М. Бахтина о том, что форма существования культуры – диалог с другой культурой, так что, по сути, граница именно культур выполняет организующую функцию. И применение одного из известных приемов анализа Бахтина – выявление двойников литературного героя – также приводит к тому, что столкновение с двойниками требуется для определения себя. Двойник – уже не необходимый в пути познания спутник, а фигура, встреча с которой необходимая для самоотрицания и развития.

Поговорим и о важности темы. Очевидно, что в культуре и для культуры границы играют конструктивную и конститутивную роль. В первую очередь, это границы, разделяющие противоположности: космос и хаос, бытие и ничто, живое и неживое, объективное и субъективное, важное и неважное. А сама история культуры – это краткая история стен.

Процесс воспитания культурного человека, ведь, направлен, помимо прочего, на приобретение важных социальных компетенций обращения с границами: граней того, что можно, а чего нельзя, границ своего и чужого. Современная жизнь вообще сталкивает нас с множеством границ (культурных, языковых, политических и т.п.), особо остро стоят проблемы с их искусственным выстраиванием.

Грани ранят. И это банально. И после проведенного нами краткий вводного обзора, мы понимаем, что о границах трудно сказать что-либо новое, и тема эта, получается, должна провоцировать на банальные рассуждения. Так что нам остается переходить от одной банальной мысли к следующей. А из методологических принципов станем пользоваться банальным игнорированием различия «границы» и «предела».

Начать нужно с того, каким образом можно сформулировать философский вопрос о границе.

Возможно, философу следует поступить так: взять, в первую очередь, непреодолимую границу. Или, по крайней мере, с очень большим трудом преодолимую. Не просто границу как какую-то черту, за которую попросту не заходят, однако за которой все хорошо различимо, так что все, что остается за этой границей, на самом деле, знакомо не меньше, чем свое собственное. Подобная граница способна породить удобную и банальную диалектику своего чужого, в которой часть своего малодушным образом оказывается все-таки чужим, а что-то чужое можно манерно рассматривать как свое.

Но поступить по-философски значит поступить иначе: взять такую границу, выхода за которую нет, за которой - уже только радикально чуждое, и выход за которую возможен только как по-настоящему трансцендентальный акт, с невероятными усилиями, даже с потерей себя. И задать вопрос, что эта непреодолимость порождает.

Спрашивать о непреодолимой границе – это, в то же время, спрашивать о том, что само границ не знает. В обычной жизни (то есть, в самом первом приближении) – это предчувствие того, что есть нечто, что мы никогда не увидим и не испытаем никогда.

Если серьезно, даже когда мызираем на привычный нам мир, мы все еще толком ничего не видим, по сути. Но, глядя на него, философ может и должен что-то узнать. Поверхность вещей выглядит непреодолимой: мы не чувствуем их объем, скрытую массу, внутреннее движение. Горы, смотрятся как масштабные плоскости, горизонт – как линия.

То, что границы (поверхности) есть у вещей, кажется совершенно ясным. Тут – среди вещей - все определено и решено. Вот, кстати, одна из банальных мыслей, положенных в основу всего этого рассуждения. С этим мы сталкиваемся и свыкаемся еще в детстве, причем познавательных усилий от нас вовсе не требуется: у многих вещей границы достаточно острые. Достаточно острые, чтобы отбить желание познакомиться с ними поглубже. Среди редких исключений – встреча с электричеством, которое (извините, сейчас чисто субъективный опыт) приходит изнутри провода или розетки и входит как-то тоже сразу вовнутрь.

Навстречу интенсивному взаимоотношению с вещью изнутри выходит боль, навстречу слабому и тонкому – удовольствие, и они сталкиваются с ве-

щами на границе нашего тела. Но важно: это вовсе не значит, что таким образом определяются границы человека.

Кратко поговорив о границах вещей, здесь мы переходим к границам у человека.

Человек – вот что не имеет границ (это еще одна тривиальная мысль). Нам все принадлежит, положено неопределенно, нестрого: жизнь, мышление, любовь. Иногда установление границ для человека – просто попытка.

Мы теряем и не находим границы. И это постоянно драматизируют гуманитарии: выражают беспокойство, что современный человек обречен жить «на пределе», в «отсутствии определенности» (то есть без традиции, устоев, «понятий», «скреп» и т.п.). Говорят даже о «кризисе культуры границ» (Т.В. Куликова). В старые времена – в традиционной культуре – жизнь человека не была такой динамичной, как сейчас, и не предполагала постоянного перехода из одного режима в другое, смены ролей или постоянных встреч с иным. Но пограничными были, по крайней мере, важнейшие моменты существования; строго говоря, – только рождение, инициация и смерть, причем даже смерть выглядела прирученной и одомашненной. Предшественники современного человека, за свою молодость успевающего объехать территорию, для завоевания которой понадобилось несколько поколений его предков, – это не древние домоседы, а путешественники, пребывавшие в каком-то беспокойстве и видевшие в один день разные пределы, как невротический горожанин с его регулярными путешествиями от дома до работы и обратно.

Но действительно ли в предполагаемом мирном и домашнем характере рождения и смерти у традиционных народов отразилось постижение границ? Нет ничего радостнее рождения, нет ничего естественнее говорить «прощай» и смерти. Но – возникает здесь у меня подозрение – это не примирение с границами, а переживание безграничности.

Человека, не знающего границ, должно характеризовать переживание своей неполноценности, осознания «пределов» своих возможностей, за которые не только выйти. Крайне редко получается даже дойти до них, оставаясь в неопределенной посредственности.

Дойти до границы, до предела значит немедленное обострение внимания, беспокойство, что нужно что-то решать (симптом того, что не было ничего решено). Нередко все это приводит к возвращению обратно в неопределенное. Раньше я уже говорил об особом чувстве беспокойства, раздражения, которое указывает на близость чего-то подлинного, о приближении к тому того, что искал. Сейчас речь идет также об условиях зарождения смысла и встречи с подлинным. Можно говорить о событии предела, событии границы как событии определения и появления смысла. Чтобы привлечь внимание (даже в такой простой форме, как повесить объявление), нужно сначала перегородить пространство. Для надписи нужен забор, межевой камень. Это банальные

примеры, и, видимо, очередная банальная мысль, – что граница есть место возникновения смысла.

Наше внимание всегда выделяет то, что существует неразрывно со способом своего выражения, представленности. Может быть, поэтому та деятельная рефлексия, которая требуется от интересного человека, часто основана, на самом деле, на мнимой победе над подлинностью, на позиции стороннего наблюдателя, на привычке к соотнесению себя и вещей к чему-то другому, когда смысл находится не в самом существовании, а в его фиксации. Так что неосмысленная жизнь, согласно известному изречению, не стоит того, чтобы быть прожитой.

Попробуем связать эти смутные рассуждения с человекоразмерной повседневностью.

Хорошо, когда упомянутая выше рефлексия-фиксация происходит в популярном европейском городе с его запоминающимися фасадами и уютными уголками, отведенными для чтения, размышления и созерцания. Доставка воздухом. Хаос и неопределенность азиатских городов не просто отталкивает непривычного к ним человека, они пугает экзистенциально, внутренне. В этих городах нет фасадов, все улицы задние, все вывернуто наизнанку, за исключением по-настоящему важных мест (дворцы, храмы, гробницы и т.п.), у которых только и есть границы, причем их много (окружающие парки, стены, ступени).

Украинский автор В.М. Антончик связывает определенность границ с европейским духом, отмечая, что в ней, а не в наполнении того, что остается внутри границ, заключена особая привлекательность. Четкость границ «дает отдельным людям особый статус, а не глубина мысли или интересные интересы» (это цитата).

Привести пример суждения украинского автора и начать после этого говорить о политической ситуации на Украине – тривиальный ход, и именно он будет сделан. На Украине сейчас (дата этого «сейчас» будет названа мною ниже) – «обострение ситуации». Многие говорят: они там, что называется, «дошли до предела». Видимый на Майдане живой и динамичный предел (а вовсе не беспредел, - так его неправильно было бы называть) можно проанализировать, но, к сожалению, мне это доступно только через СМИ, точнее - через его представленность в СМИ (в российских). Эта журналистская риторика, выступающая в роли современной политической поэзии, была мною проанализирована, и я могу выделить в ней несколько основных тем, характеризующих ситуацию доведения до предела.

Во-первых, говорится о наглядной, выплескивающейся из глубин агрессии, по-видимому, сущностно связанной с наведением/преодолением границы (предел утверждается тем, что преодолевается, но это преодоление, по сути, - только попытка достичь предела).

Далее - наличие двух сторон, связанных агрессией и враждой, которые конструируют границу, расходясь «по разные стороны баррикады» (аморфных при удалении от границы столкновения и приобретающих все большую определенность по мере приближения). И мерцающее при этом сомнение, не остаются ли они по одну сторону ее. Обычно отмечают, какие субъекты занимают наступательную, а какие – оборонительную позицию, но сути дела это не меняет.

Постоянно повторяется тема возрождающейся субъективности: проблема самоопределения того, кто бьется на границе, стремление к собственной природе и отстаиванию самобытности.

В ситуации доведения до предела нет порядка (казалось бы, разве не порядок должен быть на пределе?). И, в связи с этим, - конструирование новых проблематичных субъектов: на кого возложить ответственность за «беспредел», а также кто должен «навести порядок».

Еще одна тема – возможность вмешательства в ситуацию со стороны (появление все новых субъектов), осуществляемая кем-то «политика попустительства» или обнаружение чьего-то стремления воспользоваться ситуацией. В конечном итоге, можно просто оставаться в стороне и делать ставки.

Наконец, предельная ситуация чревата возможностью перехода в нечто совершенно иное, причем неожиданное и непредсказуемое, что заставляет вглядываться в нее со страхом, характерным для встречи с чем-то, свидетельствующем о собственной неопределенности наблюдателя.

Итак, какую тему ни возьми, ситуация выглядит интересной. Ситуация апеллирует к нам, выступая в роли того, что само себя показывает, выдающегося на поверхности неопределенности, содержащего возможности смыслообразования и материал для ньюсмейкерства. Разумеется, это – показанная СМИ риторика предельной ситуации.

Финальное замечание. Когда производился этот обзор СМИ (22 февраля 2014 года), то, разумеется, не было никакой уверенности в том, что СМИ передает все так, как происходит на самом деле. Когда читался доклад (25 февраля), сама ситуация изменилась, причем у меня опять возникали сомнения в том, что понятна подлинная ситуация на Украине в настоящий момент, и что непонятно то, как все было раньше – 22 числа. Доклад переделывается в текст (6 марта) и уже произошли события, которые трудно было представить раньше, но опять было совершенно неведомо, что там происходит сейчас, и что там на самом деле происходило 25 и 22го.

Но неправильно было бы просто обвинять средства массовой информации в тенденциозности. СМИ становятся современным инструментом того, чтобы я назвал принуждением к границам. И это неслучайно, поскольку СМИ (особенно новостные) действительно позволяют производить смыслы, а – вслед за этим – субъективность (нас) и даже предметность (иного для нас). У людей

ведь часто бывает, что важна именно сама граница, она - остра и опасна, а Иное... Не такое уж оно иное. Граница дает иллюзию наличия центра (но поскольку центр - иллюзия, граница и есть центр). Важное – всегда нечто, что внутри тех или иных границ.

Поэтому возможно превращение любого случайно взятого свойства в уникальное в мировом масштабе, свойства, выделяющего человека, сообщество и т.п. среди других (иных). При этом совершенно не важно даже то, действительно ли указанное свойство у предполагаемых «других» отсутствует. Для этого нужно усилие, и мы видим, что достаточно даже такого незначительного усилия, как совместная «работа» людей, смотрящих телевизор, и действующих на них средств массовой информации. И почти у каждого найдется своя уникальность и свои герои. Вот пример, приведенный В.М. Антончиком: «феномен феминизма - вдруг ни с того ни с сего именно феминистки отграничили себя и вовлекли в среду конфликта - или ты за, или ты против».

Вот еще один пример мощного (и близкого СМИ) средства наведения границ - брендинг и следующее за ним создание новых продуктов как якобы совершенно новых вещей. Так, например, активно продвигаемое мобильное устройство «Kindle» (более полное и точное название – «Amazon Kindle», это не реклама) – это всего лишь очередная электронная книга, связанная с системой продаж контента через интернет (тексты, подписки на СМИ и т.п.). Многими оно воспринимается как особое устройство, именуемое «киндл», хотя даже в России представлены конкуренты (например, «Sony Reader», это не реклама). Этот же метод различения осознанное обыгрывается в рекламе шоколадных батончиков «Твикс», продающихся по две штуки в одной упаковке («на одну из палочек шоколад льется вертикально, а на другую – струится сверху вниз»). В конечном итоге, такие миры выцветают, оставляя в виде следа новое слово: как в России копир до сих пор называется «ксерокс», а в странах Азии растворимый кофе – «нескафе».

Чем более тонко устанавливаемое отличие, чем более узкий берется класс объектов, тем легче выдать за «совсем другую» вещь, за совершенно новый мир. Итак, мы можем придти к еще одному выводу: опыт границы – это когда важны подробности, мелочи.

То, что почти всякая определенность в СМИ, рекламе и массовой культуре вызывает подозрение – обстоятельство банальное. Люди уже давно хотят видеть что-то «за» этой определенностью, и находят: транснациональные корпорации, анонимную власть, само общество потребления и т.п. Находят все это, чтобы от этого дистанцироваться: мы против мирового капитализма, власти, потребления. Но должно же быть что-то, что устанавливает неподлинный смыслы и производит неподлинный предметы? Мне бы хотелось дать банальный и простой ответ: ничего, кроме самой человеческой природы. Если грани-

ца и скрывает/указывает что-то, то только на отсутствие одного из членов противопоставления.

Ученый - тоже человек, только он применяет респектабельный научный метод: создание границы и - далее - сравнение того, что оказалось по разную их сторону. Этот метод критиковался Евгением Георгиевичем Соколовым в короткой статье с блестящим названием «Как»-имитация, «как»-с(т)имуляция, «как»-... (ассортимента противозаконных «как» ов из)» (Игровое пространство культуры, 2002 г.).

Используется учеными и модель, в которой то, что по другую сторону, отсутствует. Классическое определение дается через указание на ту область, где определяемого предмета нет. Определение области, где бессмысленно искать нужный предмет, – это, как известно, тоже важный научный результат. Можно провести параллель также с методом сомнения и суть философского вопрошания. То, что с другой стороны, ставится под вопрос с точки зрения того, что с этой.

Настоящий мыслитель идет дальше. Ему хочется, чтобы его мысль была именно доведением до предела (в одном смысле), преодолением пределов (в другом смысле). Короче говоря, он тоскует по большей преступности и революционности своей мысли. Великая надежда духа - что я могу превзойти границы, и что я не только отличаюсь от других, но у меня есть даже свое Иное. Движение сознания иногда представляется так: в каждый момент оно переходит в иное, пересекая и царапаясь о какие-то грани, которые оставляют следы, складывающиеся в опыт познания. Но мне кажется, следует признать (повторю то, что говорил раньше), что сознание постоянно проявляет не становление, а свою монотонность, отсутствие иного и нового. Разумеется, хотелось бы, чтобы каждый следующий шаг был бы если не прорывом, то более осмысленным (или хотя бы так же осмысленным, как предыдущий), но на деле это - лишь скрытое нереализованное желание спасения, ориентация на конечный предел.

Вернемся к теме сущности человека. Как и всякая сущность, она «по определению» должна быть познана через границы, а в данном случае (в случае человека) - через удаленные границы. Чуть раньше я заявил, что предел для человека не существует и граница недостижима. Поэтому трудно говорить, что человек обретает сущность в смерти как своем очевидном пределе. Попытки получить сущность от смерти не приводят к исчерпанности.

М. Хайдеггером проведен блестящий анализ смерти как границы и ее бытийной структуры в жизни (жизни вот прямо сейчас). «Смерть – это самый крайний конец того, что возможно в моем бытии здесь, она самая крайняя возможность моего существования здесь». Смерть позволяет обрести целостность, «я сам емь моя смерть именно тогда, когда я живу». Через озабоченное отстранение смерти я живу. Выстаивание перед смертью во времени (не делая

ее действительностью) приводит Хайдеггера к концептам выбора, ответственности и совести [2; С.166-170].

И все же, смертность входит в сущность человека скорее трагически, то есть как печальное обстоятельство его судьбы, тяжкая необходимость. Аристотель вводил смертность в определение человека для того, чтобы отличить его от богов, которые тоже живые и разумные. Однако он отказался от предположений, что полнота человеческой жизни, счастье и высшее благо могут быть познаны, «взирая на конец». По Аристотелю, полнота определения человека (и, значит, счастье, достигается в полный срок жизни. Стоики и эпикурецы пошли дальше и отказались от трагедизирования смерти и рассуждения о тяжких временных границах человеческого существования, призывая обращать внимание на то, что происходит сейчас.

Мне кажется, есть еще один вариант развития этой темы: если человек и обретает сущность, то не в смерти, а через старость. Смерть – возвышена и трагична; старость – банальна. Старость – прекращение ожиданий, рационального планирования, выстаивания перед смертью и временем, прекращение борьбы, потеря будущего и бесконечности. Если представить его так (с позиции человека еще относительно молодого), то жизнь старика мимолетна, поскольку в ней особая важность момента «сейчас» либо полностью подавляется сознанием смерти, либо полностью освобождается от него.

Те, кто претендуют на старость, подчеркивают свою старость (то есть обладают ею не в описанном только что смысле, а в качестве простого свойства) – либо обманщики, либо особого рода фигуры – «патриархи», которые – наподобие греческих «героев» - не люди, но и не боги. Такие существа стары все время своего существования. Но их старость – нечеловекообразна.

Если человек при каждой боли, каждой опасной ситуации прислушивается, не зазвучал ли уже зов бытия, не это ли она – его смерть, то он еще не стар и сущности своей не обрел. Некоторые люди так много говорят о смерти, так много готовятся к ней, что – вместо смерти – у них начинается новая жизнь.

Я не стар, пока (я надеюсь) смерть ходит за горизонтом, и еще существуют планы на короткий и долгий сроки. Обычные непостаревшие люди не имеют сущности; а некоторые из них – вообще не люди («звери или боги»). В логике обычной жизни смерть – не более чем логическая постоянная. Для непостаревших людей настоящее осознание смерти как конечного предела, понимается, производит мощный поток смысла для всего остального, для настоящего. Узнавание о собственной смертности еще в детстве накладывается на анальный комплекс, на первые опыты рождающейся памяти и превращается в попытки удержать жизнь. Планирование – это спасение от отсутствия будущего у смертного существа. Попытки справиться со смертью, отталкивание смерти приводят только к появлению «большого времени», то есть, собственно, уже не времени, а смысла.

Именно обретшие свою сущность старики проживают каждый день как последний, точнее говоря – как единственный свой день. Перед лицом ставшей сущности происходит сворачивание времени (и понятия времени). Время – это осмысленная вещь; жить во времени значит жить осмысленно. Смерть лишает времени и осмысленности. То есть, сущность – это то, что есть (вне времени), а не то, что осмысленно. В человекообразном значении это и есть старость.

Но пора заканчивать эти новые исследования в области исследования психологии бессмертных и вернуться к самой первой теме - от границ человека к границам вещей.

Можно ли теперь сделать обратный ход? Воспользоваться очередным банальным приемом: сделав выводы относительно себя (о том немногом, что мы вообще можем знать), попробовать усмотреть то же в вещах.

То, что пойдет дальше, - это, опять, банальный прием: элементы и смутные выводы аналитики границ человека будут использованы для описания границ вещей (которые в самом начале рассуждения были человеку противопоставлены).

По Декарту, познать себя проще (вот она, я – вещь мыслящая), чем познать внешние тела. Но даже познав себя, можем ли мы на этом основании двинуться в сторону познания иных вещей? И если, познавая вещи, мы будем пытаться увидеть в них себя, то насколько далеко допустимо в этом зайти? Так или иначе, такая постановка вопроса приведет, скорее, к описанию не сущности, а бытия вещей. Но, разумеется, построить саму онтологию вещей здесь тоже едва ли удастся.

Я утверждал, что с границами вещей все ясно и определено, и от этой определенности и сейчас отрешиваться не намерен, но хочу попытаться посмотреть на нее пристальнее и разглядеть детали (даже если окажется, что они не выявлены мною аналитически, а банально приписаны посредством воображения и фантастически).

Зная, что у вещей есть граница, мы привыкаем к тому, что, как бы мы к ним не подходили, они постоянно обращены к нам как бы лицом. Внутреннее вещи а «обратная сторона» вещей остаются для нас недоступными. Было бы очень заманчиво зайти им за спину или, хотя бы, увидеть их – вещей - онтологическую тень.

Даже такие мощные вещи, как горы, не воспринимаются наблюдателем как объем и масса, а только как видимые поверхности, с краями, - как некие кулисы, декорации, находящиеся на недоступном удалении. Сила поздних работ Поля Сезанна в том, что он позволяет если не увидеть, то почувствовать внутреннюю мощь изображаемой им многократно горы Сен-Виктуар, которая этим своим внутренним давлением объединяет разные планы (поверхности), стягивает окружающий мир к себе.

И все же вполне может статься, что, для познания вещей вовсе не обязательно «заходить к ним за спину» или иметь доступ к тому, что у них внутри. Может быть, банальной и всем видной границы вещей будет достаточно.

Начнем со сконструированного ранее понятия о границе как рельефной и объемной области напряжения, притягивающей и концентрирующей внимание. Также задействуем описание границы как области производства смыслов: на границе важны подробности. Итак, надделение вещи смыслом не обязательно требует проникновения в ее глубину, которому препятствует граница. Граница вовлекает в свою собственную глубину, многообразные уровни которой производят смыслы вещи. Глубина самой вещи для нас не достижима, но она проявляется для нас на ее границе, поверхностно.

Иначе можно сказать, что для нас вещь – это сама ее граница. Вещь – это не недоступное нам внутреннее, а доступная граница, но такая, которая сама обладает глубиной со своей динамикой многообразия.

Мыслить границу как производящую смыслы возможно, если мыслить ее не просто как край, а как динамичную область, имеющую свое «пространство». Граница вещи как бы имеет уровни, но они не уходят в глубину, а это уровни одной и той же границы. При желании, их можно разложить в символический ряд. Динамика взаимодействия этих уровней может быть описана как:

1. Переход от смутного к определенному. Граница вбирает в себя как определенное, поверхностное, так и неопределенное, смутное, находящееся внутри. Граница вещи – это производство определенности из неопределенности.

2. Одновременное указание на определенность, конечность, и на бесконечность.

3. Преодоление времени. Граница – это отрицание времени через удержание своего собственного в данных пределах. Цельность вещи в том, что она ничего не выпускает из себя, противостоя разрушительному времени.

Здесь, конечно, напрашивается выражение «горизонт событий», точнее – «горизонт событий чёрной дыры». Определение черной дыры предполагает, что никакое тело не может выйти во внешнее пространство. Однако я его готов использовать только в качестве метафоры границы. Граница вещи существует постольку и настолько, поскольку и насколько она сопротивляется времени.

Взгляд воспринимающего не (просто) скользит по поверхности, а взаимодействует с различными глубинами границы, сам превращаясь в пучок отдельных столкновений со смыслами. Этот пример со взглядом – только иллюстрация конструируемого представления о границе, крае самой вещи. Нужно постараться избежать сведения ее поверхности вещи к простой зоне разделения субъекта/объекта.

Вообще, для развиваемого нами сейчас понятия границы полезно некоторое разрушение определенности различия субъекта и объекта.

Отвлекаясь от основной темы, хотел бы заметить, что было бы интересно построить такую, если угодно, теорию познания, в которой познающий (хотя бы части его) и познаваемое (тоже хотя бы часть, хотя бы его внешняя граница) описывались бы как единое целое, как некая отдельная вещь, причем именно максимально телесно, а не в форме соединяющей интенции и т.п.

Мне кажется, что максимально близко к этому подошел Спиноза, правда, в своем описании страдания и пассивных состояний. Пассивное состояние – это «когда в нас происходит или из нашей природы происходит что-либо такое, чего мы составляем причину только частную» (Этика. Часть III, аксиома 2; здесь и далее цитаты по изданию: Спиноза Б. Сочинения: в 2 т. СПб.: Наука, 1999. Т. I). «Пассивные состояния относятся к душе лишь постольку, ... поскольку она рассматривается как часть природы, которая сама через себя, без помощи других частей, ясно и отчетливо воспринята быть не может. Точно таким же образом я мог бы показать, что пассивные состояния относятся к отдельным вещам точно так же, как к душе, и что иначе они воспринимаемы быть не могут» (III, теорема 3, схолия). Приведенные рассуждения Спинозы связаны с его учением о знании: как в душе сохраняются образы вещей, которые уже не наблюдаемы. У него находим даже такую формулировку: «идеи, которые мы имеем о внешних телах, более относятся к состоянию нашего тела, чем к природе тел внешних» (II, теорема 16, королларий 2). Тем не менее, учение об активных и пассивных состояниях души, а также адекватных и неадекватных идеях позволяет Спинозе представить только учение о человеческом теле не как чем-то едином, а как совокупности («индивидууме») отдельных тел, соединенных друг с другом и «сообщающих известным образом свои движения друг другу». Почему бы, продолжая мысль, не считать, что боль указывает на то, что на время возникает некий индивидуум, частями которого является внешнее тело и та часть человеческого тела, которая испытывает воздействие этого предмета, так единство человеческого тела на этот момент разрушается?

Так или иначе, но границу вещи правильнее воспринимать не как раздел, а как соединение. По крайней мере – как символическую отсылку к другой границе (и, тем самым, к другой вещи). Вещь в своей сущности погружена сама в себя, а граница ее указывает на нечто иное.

Именно обычный человек постоянно живет на границах, в этом содержании банальной жизни. Подлинность жизни творца, маргинала, которым ведомы риск и экстаз, в том, что они от границ вещей далеки, это «на грани» в другом смысле, о котором сейчас речь не ведется.

Динамика границ, то, что они отсылают друг к другу, ускользание при этом сущности вещи приводят мыслящего человека к неврозоподобным состояниям, отдаленно напоминающим ресентимент. Многочисленные границы провоцируют на создание теоретических конструкторов сущности. Так, разделе-

ние субъекта и объекта провоцирует нас на формирование понятия самосознания, подобно тому, как разделение зритель / картина - на понятие художника, а нравственное / безнравственное - на осознание отсутствия бога.

Потенциал производства смыслов на границах (посредством их отсылания друг к другу, а также той их внутренней динамики, которую я сейчас пытаюсь найти) вовлекает нас в познание, принуждает к нему. Так же точно появление другого человека принуждает нас к диалогу. Принуждает нас к познанию мнимое разнообразие смыслов, за которым скрывается то обстоятельство, что на самом деле ничего нового не происходит, только повторения. Границы позволяют вещам (и людям) выдавать себя за других и притворяться чем-то новым, оригинальным, небанальным. Так что нам бояться как раз следует того, что что-то происходит не впервые. Мнимая новизна, в свою очередь, маскирует не только банальность повторения одного и того же, но и подлинную новизну (так что мы далеко не всегда замечаем, что начало свершаться что-то понастоящему новое), и подлинное общее.

Из-за интенсивной динамики и постоянного мелькания границ, привлекающих нас к себе, мы не всегда держим на уме фундаментальные сходства вещей, а среди них основные: то, что они существуют, и то, что они вечны. Тем самым, границы действительно отвлекают нас от познания сущности вещей.

Какой бы динамичной и сложной граница вещи не представлялась, она не имеет отношения к сущности вещи. Тем самым, она ничего не показывает нам в отношении ее самой, ни к чему не приближает в перспективе познания нами данной вещи. Но граница может говорить нам о другом.

Граница вещи напоминает нам о возникновении (или творении) вещей из ничто. Граница вещи и ничто связаны, на ней и определенность поверхности, и неопределенность глубины выступают как ничто, и ужасы ничто многократно умножаются. Иначе: ужас и есть такое умножение, которому не видно предела. Вообще каждая вещь для нас - граница, и эта граница содержит в себе ничто, сообщает нам совсем ни о чем. Вглядываясь в обычные вещи, окружающие нас, мы поэтому, собственно, ничего особенного не видим, потому что, вглядываясь еще пристальнее, мы не увидим (с ужасом) вообще ничего.

Недостижимая сущность вещи является символом вечности. Граница же вещи напоминает о появлении из ничто. Всякая вещь для человека есть произведение чего-то из ужаса ничто.

В каждой вещи – твоя смерть, и вот хороший критерий подлинности.

Конечно, это уже слишком «личное» отношение к вещам, исключаящее столь полезную для нас абстракцию. О той эпохе, когда все имена вещей были личные, мы можем только фантазировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов Б.Г. Рецепция герменевтики в России // Между метафизикой и опытом. Материалы коллоквиума. СПб.: Издательство Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.169-187.
2. Хайдеггер М. Кассельские доклады // 2 текста о Вильгельме Дильтее. М.: Гнозис, 1995.

TRANSLIT

1. Sokolov B.G. Recepciya germenевtiki v Rossii // Mezhdru metafizikoj i opytom. Materialy kollokviuma. SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001. S.169-187.
2. Hajdegger M. Kasselskie doklady // 2 teksta o Vilgelme Diltee. M.: Gnozis, 1995.